

СЕЛЬКУПСКИЙ ЯЗЫК: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РЕШЕНИЮ СТАРЫХ И НОВЫХ ЗАДАЧ

Кузнецова А.И.

Для современных исследователей любые, даже самые ненадежные в языковом отношении материалы, давно попавшие в архивы, могут представлять собой определенную ценность, вызывая вопросы, подталкивая к размышлениям. Начало серьезного сбора материала по самодийским языкам принято отсчитывать с М.А. Кастрена (хотя первые сведения о языках самодийцев появлялись значительно раньше, начиная с XVII в.: см., напр., заметки Ричарда Джеймса 1618–1620 гг., Петера Мунди 1641 г., а также материалы других авторов, вплоть до XX в. [Donner 1932]). В конце XIX – начале XX в. У.Т. Сирелиус и Кай Доннер собирали у южных селькупов материалы, изданные в 2004 г. Ярмо Алатало и дополненные его собственными записями [Alatalo 2004]. На рубеже XIX–XX вв. у южных и северных селькупов фиксировались тексты и отдельные слова, изданные частично в конце XIX в., частично – позднее, в начале XX в., не лингвистами (напр., материалы Н.П. Григоровского, словарь Ф.Г. Мальцова, А.А. Дунина-Горкавича). В 1920-е гг. Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы собирали материал (до сих пор не изданный) у северных селькупов. В 1941 г. сбор селькупских материалов продолжила ученица Г.Н. Прокофьева Л.А. Варковицкая, в архиве которой имеются также переписанные ею частично тексты Г.Н. Прокофьева. Во второй половине XX в. появились новые данные по южным и северным селькупам, собранные представителями томской школы А.П. Дульзона. Несколько позже, в 1960–1970 и последующих годах, к полевой работе по сбору материалов у северных селькупов подключились (вслед за томскими и новосибирскими) московские лингвисты, работа которых продолжается и в настоящее время. В результате всей этой деятельности в самоэтике накопился значительный по объему языковой материал, собранный у южных и северных селькупов (не говоря уже об архивных документах, не только не опубликованных, но, возможно, еще и не обнаруженных). Доступные исследователям источники позволили достаточно подробно описать грамматику селькупского языка и составить небольшие словари, издать тексты (в основном – сказок) и написать учебники, используя в разные периоды различные азбуки (всего их было составлено три для северных и две для южных селькупов). Собираемые и издание текстов (к сожалению, обратно пропорциональное сохранности языка), набирающее в последние годы темпы, открыло новые возможности работы в области культуры северных народов. Богатый селькупский фольклор (по большей части еще таящийся в рукописях) ждет своего издания. Вместе с тем уже в настоящее время благодаря длительному подготовительному этапу сбора материалов и ряду добротных исследований, начиная с работ М.А. Кастрена, затем Г.Н. Прокофьева и др., возникла база для научной работы в новом направлении¹, с учетом новейших достижений и требований теоретической лингвистики.

В настоящее время, когда известно огромное количество источников не только по селькупскому, но и по другим, еще живым, самодийским языкам, а носителей этих языков, знающих родной язык, становится все меньше, возникают проблемы иного порядка, нежели они стояли перед самоэтиками – первопроходцами. Угроза, нависшая над самодийскими языками, заставляет самоэтиков разрабатывать *новые методы сбора материала* в целях сохранения све-

¹ В последние десятилетия XX в. параллельно со сбором материалов и созданием грамматик, словарей, книг для чтения и другой деятельностью лингвистов происходило описание социолингвистической ситуации у селькупов (особенно - у северных). Это напрямую было связано с объявлением ЮНЕСКО десятилетия 1993–2003 гг. годами малых народов, к каковым относятся все самодийцы. Все новые изменения в социолингвистической ситуации теперь можно легко отслеживать и даже в известной мере прогнозировать.

дений об этих языках. Это позволяет *смотреть на языки под иными углами зрения*, видеть в них то, что раньше не принималось во внимание. Происшедшая в последнее время смена научной парадигмы в лингвистике привела к появлению новых аспектов рассмотрения самодийских языков, что, в свою очередь, связано не только с использованием новых методов сбора и обработки полевых материалов, но и с новыми техническими возможностями.

Сравнительно недавно стало обнаруживаться все большее сходство самодийских языков и культур как с близкими, так и с далекими от них генетически, а нередко и территориально языками и культурами. Все активнее говорят об этом историки и антропологи, в частности, Ю.Е. Березкин², Г.М. Давыдова, В.В. Напольских и др. Одновременно напрашиваются вопросы исторического характера и у лингвистов. Почему, напр., у селькупского языка сходства с древнерусским языком больше, чем с современным русским [Кузнецова 2004]? Подобными проблемами занимаются лингвисты финно-угроведы (Г. Березки, Р. Таагелера, А. Кюннап). Все чаще к сравнению с другими языками обращаются типологи (это стало особенно заметным в связи с проведением трех международных конференций LENCA). Как сохранить для потомства тающие на глазах богатства самодийских языков, пробудить интерес самих носителей языков к их культуре и языкам? Очевидно, что для ответов на подобные вопросы следует выработать единый план действий среди специалистов из разных областей науки и понять, в каких направлениях необходимо действовать.

Намечается *два направления*. Во-первых, **можно** сделать что-то для самого этноса, если его представители сохранили еще желание говорить на родном языке, хотят соблюдать обычаи и следовать традициям своего народа. Во-вторых, **надо** делать многое в чисто научных целях, оставляя потомкам сведения о языке и культуре самодийцев.

По первому пути (*делать что-то для самого этноса*, помогать сохранить его культуру) пошел в свое время К.И. Лабанаускас (ср. также в отношении обских угров деятельность Эвы Шмидт). Еще раньше, когда началось приобщение малочисленных народов Севера к научным знаниям в форме школьного образования, Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы отправились работать в школу в пос. Янов Стан (1925–1926 гг.). Проблема спасения утрачиваемых народами языков и культур не нова. На многие вопросы пыталась дать ответ Эва Шмидт [Шмидт 2001: 267–280; Шмидт и др. 2001: 280–288] касательно хантыйского языка. Надо признать, что именно обские угры вкупе с лингвистами из Новосибирска добились уже известных успехов в ревитализации своих языков и культур, о чем свидетельствует возросший у них интерес к традиционной культуре, к своей родословной (см. напр., генеалогические изыскания Е.А. Кузаковой [Кузакова 1996: 58]). Аналогичный интерес (хотя и в более слабой форме) к своей родословной обнаружился и у селькупов (напр., в семье Иры Тонкиной-Тамелькиной [Кузнецова 2006, кн. II: 397–400]). Любовь Ненянг пишет о необходимости остановить процесс имянаречения ненцев русскими именами, свидетельствующий об угасании национального самосознания: «Процесс имянаречения и собственно имена есть отражение истории народа. ... тот, кто не знает своего прошлого, не имеет будущего» [Ненянг 1996: 3]. Об интересе к своим языкам и культурам свидетельствует появление местной интеллигенции. В 1990-е гг. под руководством томских историков Н. В. Лукиной и В.М. Кулемзина стали защищать кандидатские диссертации ненцы, манси, ханты и др. На тему пробуждения этнического самосознания написана книга Н.В. Лукиной [Лукина 2002]; в ней собраны интервью с аспирантами и кандидатами наук преимущественно из числа ханты и манси, содержащие откровенный разговор о бифуркации (раздвоении) сознания аборигенного населения на западно-ориентированное и традиционное, восточно-ориентированное.

Местная интеллигенция есть и у селькупов, и у ненцев, и у нганасан; у самодийских народов появились свои писатели, художники, композиторы. Но школа по-прежнему вызывает множество нареканий. Однако в статье речь пойдет не об улучшении школьного и вузовского

² Ю.Е. Березкин, в частности, задается вопросом: почему в области фольклора встречаются частые совпадения мотивов не только с родственными или контактирующими культурами, но и с культурами на других континентах?

образования, не о средствах пробуждения и поддержания стремлений народа к сохранению своей этничности, своего языка, а о задачах научного характера. Именно по этому второму пути пошли собиравшиеся на семинар в Будапеште 19-20 мая 2006 г. лингвисты-самоедологи. Это путь сохранения для науки сведений о самодийских языках, испытывающих всё возрастающее влияние со стороны русского языка. Вопрос состоит в том, как сохранить и донести до будущих исследователей самодийских языков (конкретно селькупского языка) сведения о языке, пока еще реально функционирующем. Как нужно собирать такие сведения по фонетике, грамматике, лексике, которые можно было бы считать достоверными? Как сохранить еще бытующий в народе фольклор? При этом приходится говорить не только о ценности собираемого материала, но и о самих собирателях сведений по селькупскому языку, об ответственности лингвистов перед наукой, *о методах фиксации и сбора материала*.

Прежде всего, следует, поставив перед собой определенную задачу, *подобрать* соответствующих решению этой задачи *информантов*, которых с годами становится все меньше. Издавна известно, что для фонетических записей нельзя брать человека с дефектами речи (при этом, разумеется, необходимо учитывать и возраст, и пол, и уровень владения языком, для выявления которого используются разные приемы, о чем будет сказано дальше). В настоящее время широко применяются все методы экспериментальной фонетики (слуховой и аудиторный анализ, аналоговый и цифровой методы обработки речевого сигнала). При этом выявляются особенности речевого поведения информанта, связанные с ритмико-интонационным членением текста и т. д. Саму запись нужно проводить на высококачественных цифровых приборах, теперь доступных исследователю.

Применительно к селькупскому языку проблемы фонетики и фонологии привлекали к себе внимание издавна и едва ли не больше, чем вопросы морфологии и тем более синтаксиса. Достаточно посмотреть работы М.А. Кастрена, Г.Н. Прокофьева, Ю.А. Морева, Н.В. Деннинг, С.В. Глушкова, Е.А. Хелимского, Ю. Янхунена и др., чтобы понять всю сложность и важность проблемы. Фонетика селькупского языка рассматривалась не только в синхронии, но и в диахронии, не только в пределах селькупского языка, но и в сопоставлении с другими самодийскими и даже финно-угорскими языками (см., напр. [Хелимский 1977]). Среди лингвистов при этом часто возникали споры. Так, недавно Е. А. Хелимский разместил на своем сайте [<http://www.helimski.com>] «Маргиналии к 'Уральскому этимологическому словарю' К. Реден», в которых высказал замечания к вокализму тазовского диалекта у К. Реден.

Для выяснения сохранности грамматики можно привлекать лишь хорошо знающих родной язык носителей языка. Отсюда вытекает необходимость устанавливать уровень владения языком, устанавливаемый различными способами. К ним могут быть отнесены следующие приемы (подробнее см. [Кузнецова 2007: 38–60]):

- 1) запись спонтанной речи (в том числе диалогов);
- 2) порождение текста (напр., истории из жизни, воспоминания о снах) или составление рассказа по картинке на родном языке;
- 3) восстановление текста, данного на родном языке, по его русскому, первоначально сделанному кем-то, переводу;
- 4) самозапись текста на родном языке (данный прием использовала в свое время и А.И. Кузьмина [Тучкова, Хелимский 2007]);
- 5) перевод отдельных предложений с русского на селькупский (опрос по анкетам, посвященным конкретным задачам), а также
- 6) с родного (селькупского) на русский, чтобы оценить, чувствует ли информант различие в структуре русского и селькупского языков.

Приемов, позволяющих определить уровень владения родным языком, может быть и больше. Так, иногда удается 7) вызвать на спор сразу нескольких информантов по поводу правильности / ошибочности того или иного предложения или отдельной формы слова. Как говорится, в спорах рождается истина (хотя далеко не всегда, но в таком случае становится

очевидным, что та или иная грамматическая категория, звук, слово уже испытали на себе не-обратимое воздействие русского языка).

Непосредственную работу с информантами (каждый из указанных способов необходимо предложить хотя бы нескольким носителям языка, а все задания столь же обязательно проверить на одном и том же его носителе) стоит сопоставлять с результатами (как опубликованными, так и хранящимися в архивах), полученными другими исследователями. Расхождения с собственными наблюдениями могут оказаться свидетельством изменений в языке или ошибками, неточностями в собственных записях, что требует перепроверки.

В случае решения морфологических и синтаксических задач следует делать гlossирование текста (оно, кстати, полезно во всех случаях типологических исследований), дополняя его буквальным и затем литературным переводом. Glossирование широко применяется в настоящее время в работах по типологии, хотя лингвисты не могут достичь единогласия ни в вопросах членения слов, ни в используемых терминах, ни в конечных результатах (имеется в виду возможность / невозможность правильного однозначного перевода с незнакомого языка на язык исследователя, которым обычно бывает русский или английский). В самодистике уже давно использовался глоссинг (правда, в несколько иной форме, чем он делается сейчас), в частности, для селькупского языка он фактически есть в работах Г.Н. Прокофьева [Прокофьев 1935] и Л.А. Варковицкой. В настоящее время проведено своеобразное по сути глоссирование ненецкого языка в Обратном словаре Т. Салминена [Salminen 1998]. Имеется попытка глоссирования слов в Словаре южных диалектов селькупского языка, изданном Я. Алатало. Достаточно широко пользуются глоссированием ненецких, хантыйских слов и текстов новосибирские и томские исследователи и т. д., но пока это не стало обязательной нормой для всех, тем более, что нет общей договоренности о правилах глоссирования, о самих аббревиатурах и многом другом (напр., о необходимости создания обратных словарей с полным глоссированием слов в них³). В этой связи стоит сказать о том, что остро назрела потребность в обратных словарях самодейских языков, слова в которых были бы отгlossированы полностью (особенно это существенно делать для глаголов). Пока, насколько мне известно, существуют лишь обратные словари для ненецкого и южного диалекта селькупского языка с частичной глоссировкой и небольшой словарик северного диалекта селькупского языка без глоссинга [Очерки 2002: 149-169].

Помимо грамматического (в частности, синтаксического) анализа селькупских текстов, снабженных глоссами, настала пора заняться дискурсивным анализом, иными словами, подойти к селькупским текстам любого жанра (в том числе – к шаманским песнопениям) как к дискурсу, выявляя типичные способы его построения. В фольклорных текстах обычно бывают широко представлены приемы остранения, ступенчатого построения, обрамления, повторов, параллелизмов, нанизывания и др. Часты смены топиков. Для построения селькупского дискурса характерны приемы оживления внимания слушателей (при рассказывании сказок), приемы задержания, затягивания развязки (Л.А. Варковицкой удалось записать немало сказок с семикратными повторами, предшествующими окончательному разрешению происходящего действия). Типичными являются структурные дискурсивные маркеры, связывающие воедино текст, указывающие на последовательность событий (фрагмент из шаманской песни «Шаманская дорога» [Мифология селькупов 2004: 333-336] начинается со слова *пуу* 'потом', которому предшествует употребление данного дискурсивного маркера 18 раз). Обычным является ступенчатость построения текста, нанизывания, что видно и на примере приведенного отрывка из шаманского камлания. В этой области, как и на других уровнях анализа селькупского языка, интересно провести сравнение с построением дискурса в текстах не только раз-

³ Обратные словари ненецкого и южного диалекта селькупского языка имеют частичную глоссировку, а небольшой словарь северного диалекта селькупского языка – без глоссинга. В последнее время Е.А. Хелимский разместил на сайте [www.Helinski.com] в своих «Маргиналиях к словарю SkWb», изданному Ярмо Алатало, замечания к вокализму тазовского диалекта.

ных жанров, но и других самодийских языков, чего пока никто не делал (хотя совпадения бросаются в глаза). Фольклористы тоже обходят молчанием особенности построения текста в самодийских языках, обращая основное внимание на содержательную сторону и на моменты сходства мотивов в разных языках (не только самодийских: см. каталог Ю. Е. Березкина), создавая тем самым основу для типологического рассмотрения фольклорных текстов.

Естественно, что дискурсивный анализ требует, прежде всего, наличия самих текстов, количество записей которых в связи с уменьшением шансов на дальнейшую сохранность языка также уменьшается. Отсюда следует, что особое внимание должно уделяться сбору и изданию текстов, в том числе архивных. При этом желательно собрать воедино десятки, если не сотни, мелких текстов (записанных как у южных, так и у северных селькупов), разбросанных по многим изданиям или хранящихся в архивах, расклассифицировать их по жанрам и издать. В настоящее время трудно даже ответить на вопрос, записи каких жанров преобладают. Очевидно только, что минимальным окажется количество шаманских текстов. Вместе с тем, благодаря наличию огромной базы мифологических мотивов у народов мира, появляется возможность, собрав воедино многие осколки существовавших когда-то мифов, заняться типологическим исследованием мифологических представлений самодийцев (или шире – уральских народов, что частично сделал В.В. Напольских [Напольских 1991]), подобно тому, как ведутся типологические исследования грамматических категорий. Аналогичную работу можно осуществлять, обращаясь к отдельным мотивам и используя материалы Ю.Е. Березкина, с одной стороны, и словарные издания мифологий коми [1999], ханты [2000], манси [2001] и селькупов [2004], с другой. Подобную работу, как показал опыт создания книг по мифологии нескольких уральских народов (в том числе и селькупов), желательно вести лингвистам совместно с этнографами.

Особое внимание на всех уровнях языка пора уделить историческому описанию селькупского языка, используя текстуально зафиксированные изменения в нем, т. е. не этимологические гипотезы, догадки, а именно исторические изменения за последние полтора столетия. Это возможно уже делать, имея изданные Е.А. Хелимским архивные материалы [Helimski 1983; Helimski & Kahrs 2001; Хелимский 2005: 19–46; Хелимский 2007], тексты М.А. Кастрена, Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых, Л.А. Варковицкой, полевые материалы современных лингвистов, частично изданные, и т. п. Попытки воссоздать историю изменения селькупского языка тесно связаны с проблемами социолингвистики, разработанной в последнее время достаточно полно.

ЛИТЕРАТУРА

- Березкин Ю.Е.* Мифология аборигенов Америки и Сибири. Тематическая классификация и распределение по ареалам. Аналитический каталог // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin.index.htm>
- Берецки Г.* Пермско-марийские лексические совпадения – заимствования или общие субстратные элементы? // *Linguistica Uralica*, XLI, 2005, № 3. С. 187–200.
- Варковицкая Л.А.* Архив 1941 г. в 12 тетрадях.
- Варковицкая Л.А.* (рукопись канд. диссер.). Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). М., 1947.
- Давыдова Г.М.* Антропология манси. М., 1989.
- Кузакова Е.А.* Древо моей жизни // *Северные просторы*. 1996, № 3–4. С. 58.
- Кузнецова А.И.* Формы проявления самосознания у представителей малочисленных этносов уральских народов Сибири // *Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы*. Книга II. М., 2006. С. 387–407.
- Кузнецова А.И.* Языковые параллели: о чем могут рассказать сходства и различия языков, генетически и типологически разных? // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2004*. М., 2004. С. 395–400.
- Кузнецова А.И.* Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). М., 2007.
- Лукина Н.В.* Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск, 2002.
- Мифология коми // *Энциклопедия уральских мифологий*. Т. I. Москва-Сыктывкар, 1999.
- Мифология манси // *Энциклопедия уральских мифологий*. Т. II. Новосибирск, 2001.
- Мифология хантов // *Энциклопедия уральских мифологий*. Т. III. Томск, 2000.

- Мифология селькупов// Энциклопедия уральских мифологий. Т. IV. Томск, 2004.
- Неянг Л.** Наши имена. Антропонимический очерк (к вопросу об имянаречении и бытовании имен у ненцев Таймыра). Санкт-Петербург, 1996.
- Напольских В.В.** Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. М., 1991. 189 с.
- Прокофьев Г.Н.** Селькупский (остяко-самоедский язык). Ч. 1. Селькупская грамматика. Ленинград, 1935.
- Тучкова Н.А., Хелимский Е.А.** О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку // *Gamburger sibirische und finnougriische Materialien*. Band 4. Hamburg, 2006.
- Хелимский Е.** Тональные оппозиции в уральских языках // *Különlenyomat a nyelvtudományi közlemények 79. Kötetének 1–2. Számából*.
- Хелимский Е.** (изд.). Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского. Hamburg 2007.
- Шмидт Е.** Архетип «Архива»: размышления о новом типе учреждения и его актуальных проблемах // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 89. Helsinki, 2001. С. 267–288.
- Alatalo J.** *Sölkupisches Wörterbuch aus Auszeichnungen von Kaj Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Helsinki, 2004.
- Castrén A.M.** *Grammatik der samojedischen Sprachen*. SPb, 1854.
- Castrén A.M.** *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. SPb, 1855.
- Castrén A.M., Lehtisalo.** *Samojedische Sprachmaterialien*. Helsinki, 1960.
- Donner K.** *Samojedische Wörterverzeichnisse*. Helsinki, 1932.
- Helimski Eugen.** *Marginalia ad UEW. Notizen eines ständigen Benutzers und harten Kritikers zu Károly Rédeis Uralisches Etymologisches Wörterbuch* // <http://www.Helimski.com>
- Helimski E.** *The Language of the First Selkup Books* // *Studia uralo-altaica* 22. Szeged 1983.
- Helimski E., Kahrs U.** *Nordselkupisches Wörterbuch von F.G. Mal'cev (1903)*. Hamburg 2001.
- Salminen T.** *A morphological Dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki, 1998.
- Taagepera R.** *The linguistic distances between Uralic languages* // *Linguistica Uralica*, XXX, 2004, № 3. С. 161–167.
- Taagepera R., Künnap A.** *Distances among Uralic and other Northern Eurasian languages* // *Linguistica Uralica*, XLI, 2005, № 3. С. 161–181.